
В.С. Вахштайн, Д.Л. Константиновский,
Д.Ю. Куракин

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: ОТ МЕТАФОРЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья поступила
в редакцию
в августе 2008 г.

Данная статья основывается на материалах книги «Реальность образования. От исследовательской метафоры до интерпретации данных», которая готовится в настоящий момент к публикации нашим исследовательским коллективом. Мы искренне надеемся, что читатель найдет высказанные здесь соображения, касающиеся природы интерпретации социологических данных, не столько догматичными или провокационными, сколько дискуссионными.

Аннотация

Что происходит после того, как разработанный методический инструмент соприкоснулся с эмпирическим «грунтом» и позволил получить некоторые результаты — в виде массивов данных, стенограмм интервью/фокус-групп или заполненных карт наблюдения? Данные обрабатываются в пакетах статистических программ или (в случае стенограмм) иными, менее формализованными и более изощренными средствами. Однако чем заданы вектор и граничные условия такой обработки? Чему подчинена сама эта процедура? Определяется ли логика обработки данных самими данными?

Мы исходим из того, что обработка — это не самостоятельный этап исследования, лежащий между сбором эмпирического материала и его интерпретацией. Обработка «сырых» цифр и слов — уже неотъемлемая часть интерпретативной работы, ее первый шаг. Обсчитать материал, собранный «в поле», — значит дать его первичную аналитическую интерпретацию. Граничные же условия такой интерпретации закладываются еще на этапе проектирования инструментария. Именно поэтому интерпретация — это шаг вспять, к концептам, к базовым сюжетам исследования, к его теоретическому истоку. Без такого шага цифры останутся немymi, а слова — лишеными референта.

В некоторых отношениях анализ данных напоминает игру в шахматы: принятие решения и его реализация на доске (в нашем случае — на массиве) определяют выбор последующих действий, расширяя или сужая коридор возможностей социолога-аналитика. (Хотя, конечно, в анализе данных — в отличие от профессиональных шахмат — операции реверсивны: всегда можно «взять ход назад».) Последовательность аналитических ходов аналогична записи сыгранной партии — от первых операций по построению шкал до определения степени выраженности измеряемых признаков. И так же как в шахматной партии, успешные комбинации требуют «жертв», ни одна аналитика не обходится без отброшенных — хотя и заманчивых — возможностей. В основе аналитической интерпретации всегда лежит упрощение, редукция, отказ от богатства и многообразия с таким трудом собранных данных.

Метафора шахматной игры позволяет нам провести еще одно очень важное для понимания природы интерпретации различие. Возможности действия, открывающиеся перед игроком, безусловно, определены решениями, принятыми и реализованными ранее, с самого первого хода. Коридор этих возможностей детерминирован ресурсами, находящимися в распоряжении игрока. Применительно к эмпирическим данным такими ресурсами являются, в том числе, и средства математической обработки: описательная статистика, регрессионный, корреляционный, кластерный анализ; без них последовательная работа с эмпирикой невозможна. Но было бы ошибкой считать, что коридор интерпретации задан только этими — по сути, техническими — пределами. Помимо цифр и средств их обработки интерпретация жестко ограничена базовыми допущениями исследовательской модели. Иными словами, еще до того, как сделан первый ход и отброшены первые возможности, предел этих возможностей положен самими правилами игры и исходной расстановкой фигур. Ограничения, накладываемые на интерпретацию концептуальной рамкой исследования, не менее жестки, чем ограничения чисто аналитические, обусловленные процедурами обработки и анализа данных.

Надо сказать, этот тезис не является бесспорным. У серьезных специалистов по анализу данных в картине мира бытует любопытный персонаж — «бессовестный интерпретатор». Обладая безграничной фантазией, он делает выводы «о чем угодно на каком угодно материале»; только следование незыблемым стандартам работы с данными удерживает интерпретацию на грани вменяемости. Если бы не эта неумолимая логика цифр, социология утонула бы в словах — ничем не подкрепленных суждениях и фантастических домыслах. В подобных условиях качество результата исследования определяется «...лишь интерпретационными способностями исследователя» (которые якобы беспредельны) и «...верифицируется лишь критерием “правдоподобности”, что целиком находится в руках исследователя» [6. С. 279]. Не допустить такого вербального беспредела — задача аналитика, вооруженного всем арсеналом средств математической статистики.

Мы покривили бы душой, сказав, что «бессовестный интерпретатор» является не более чем плодом фантазии специалистов по анализу данных. Мысль о реальности этого персонажа периодически посещает тех, кто вынужден читать в больших количествах драфты исследовательских отчетов. Однако трудно согласиться и с приведенной выше фундаментальной установкой «слова — ничто, цифры — все». Неудовлетворительными нам кажутся два следствия из этого тезиса.

1. **Единственным** критерием достоверности интерпретации данных является жесткая привязка к процедурам их математического анализа. Иными словами, гарантом истинности социологического суждения полагается его математическое обоснование.

2. Интерпретация строится на постоянном ограничении фантазии интерпретатора «упрямыми цифрами»; кроме них, у интерпретации нет другого якоря, нет иного критерия оценки и способа сцепки с реальностью.

Первое следствие кажется нам теоретически ошибочным: если гарантом истинности социологического суждения является математическая процедура, значит, само социологическое суждение не может быть ни истинным, ни ложным — истинным или ложным его делает правильность математической обработки лежащих в его основе данных. Такое допущение упраздняет автономию социологического знания, лишая его суверенитета под видом дополнительного математического обоснования.

Представим на минуту, что гарантом верности медицинского диагноза является совершенство аппаратуры, на основании показаний которой ставится диагноз, качество электроники, которой она начинена, а не квалификация врача, выбирающего адекватные способы диагностирования и технические средства. Конечно, социология не отстоит так же далеко от математического анализа, как медицина от электроники, и все же вынос критерия достоверности социологической интерпретации за скобки собственно социологической дисциплины чреват сходными последствиями: сама социология оказывается маргинальной разновидностью математической статистики.

Второе следствие нам кажется сомнительным по соображениям прикладного характера. Сказать, что, кроме «упрямых цифр», у социологической интерпретации нет других связей с реальностью, что сама интерпретация принадлежит миру фантазий и лишь конкретные данные возвращают ее на землю, — значит объявить социологическое воображение интерпретатора вне закона (так, как будто в этом воображении нет ничего от реальности, а само оно — порождение индивидуальных вкусовых предпочтений («целиком находящихся в руках исследователя») или политической (идеологической) ангажированности). Это воображение, предположительно, и является причиной «выводов о чем угодно на каком угодно материале». Отсюда заключение: интерпретация полученных данных должна быть производной от самих данных, и именно из цифр выстроены стены коридора интерпретации.

Однако на материалах интерпретаций в конкретных исследованиях нетрудно показать, что за многочисленными аналитическими ходами и решениями стоят не цифры (действительно, весьма «упрямые»), а слова — точнее, слова-концепты. К примеру, в нашем исследовании доступности качественного общего образования [5] анализ собранных данных был возможен исключительно благодаря разработанному теоретическому языку, в котором привилегированное положение занимали два «языкообразующих» понятия — «кластеры» и «барьеры». Понятие «кластер» для обозначения совокупности школ, предоставляющих образование одного типа качества, было использовано до кластерного анализа; оно предшествовало сбору данных. Получившаяся в итоге 8-кластерная модель оценки качества школьного образования — результат аналитической шахматной игры, но использование кластерной логики для определения качества — решение не методическое, а фундаментально-теоретическое (оно напрямую следует из выбранной концептуальной модели). То же касается и барьеров. Анализ препятствий, которые преграждают путь к получению образования определенного качества ребенку, не обладающему теми или иными ресурсами, обусловлен не самими данными, а исходными концептуализациями. Возможность говорить о качестве образования на языке кластеров и о доступности образования — на языке барьеров предшествовала сбору эмпирического материала.

Не снижают ли выдвигаемые нами тезисы ценность аналитической работы с данными? Отнюдь нет. Мы лишь настаиваем на том, что логика цифр — не единственное основание коридора интерпретации, другое, не менее существенное его основание — логика концептов, логика выбранного теоретического языка описания. Интерпретация не является строгой наукой (какой ее хотели бы видеть аналитики-позитивисты), но не является она и порождением индивидуального потока сознания. Интерпретатор — не шаман, получающий знание непосредственно из высших сфер. Он ограничен в своей интерпретации дважды: с одной стороны — полученными данными и правилами их обработки (назовем это требование эмпирической сообразностью), с другой — выбранной концептуальной схемой и языком описания (требование концептуальной сообразности). Именно поэтому воображение интерпретатора — отнюдь не «в его руках».

Требование сообразовываться с исходной, зафиксированной в концепции перспективой рассмотрения своего предмета одновременно ограничивает и питает воображение социолога. Отказывая интерпретатору в праве на фантазии, позитивистски ориентированные аналитики забывают о том, что воображение не бесосновно: это всегда преобразование, совершаемое по правилам конкретного языка. Собственно, определение социологической интерпретации именно таково: *преобразование эмпирически полученных данных по правилам избранного теоретического языка*. Или,

говоря словами Л. Хендерсона (кстати, учителя и наставника самого влиятельного социального теоретика XX в. Толкота Парсонса): «Факт есть высказывание об опыте в категориях концептуальной схемы» [12].

Еще раз свяжем данное утверждение с метафорой шахматной игры: всякий ход в партии детерминирован как минимум дважды — ситуацией на доске и правилами игры (правилами шахматного языка). Например, конкретная рокировка безусловно связана с положением на доске: игрок принимает решение рокироваться, исходя из анализа сложившейся ситуации; чтобы ход совершился, король и ладья должны занимать определенное положение по отношению друг к другу и т.п. Но — помимо всего прочего — в языке шахмат должно существовать само правило рокировки. И тогда этот конкретный ход можно рассмотреть как преобразование данных (фигур и их отношений) по правилам языка шахмат.

Должна ли интерпретация быть в большей мере концептосообразной (отсылая к концепции) или эмпирикосообразной (отсылая к таблицам с данными)? Сама такая постановка вопроса некорректна. (Должен ли ход в шахматах быть сделан «больше по правилам» или «больше по ситуации»?) Если интерпретация не удовлетворяет хотя бы одному из этих условий, она не имеет права на существование. Неудовлетворение требованию эмпирической сообразности лишает интерпретацию достоверности (это как раз случай «бессовестных интерпретаторов»). Неудовлетворение требованию концептуальной сообразности лишает интерпретацию возможности называться интерпретацией.

Другой вопрос: не загоняет ли нас требование концептуальной сообразности в известную ловушку «на выходе то же, что и на входе»? Ведь если язык кластеров предшествует данным о кластерах, а язык барьеров — знанию этих барьеров, собранные данные оказываются как бы на вторых ролях, лишь наполняя заранее выкованные для них понятия.

Однако это не так. Дело в том, что теоретический язык не существует в параллельной, внеэмпирической реальности. Новые понятия и логические конструкции встраиваются в концептуальные рамки по мере интерпретации полученных данных. На базе проведенного анализа и интерпретации может возникнуть необходимость в радикальном пересмотре исходного теоретического языка и выбранной концептуальной модели объекта исследования. Тогда меняется не только «ситуация на доске», но и «правила игры». (В отличие от шахмат, где правила являются предустановленными и трансцендентными конкретной игре, в исследовании «правила» трансформируются в «игре» и существуют с ней нераздельно.)

Ранее, когда мы говорили о словах и цифрах, под цифрами подразумевались конкретные эмпирические данные, полученные в ходе опросов, а под словами — интерпретация этих данных сообразно избранному теоретическому языку. Таким образом, на-

пряжение между словами и цифрами, описанное выше, — это напряжение на границе эмпирики и теории; напряжение в значительной мере искусственное: как мы постарались показать, между требованиями эмпирической сообразности и концептуальной сообразности нет противоречия. Возможно, своим риторическим приемом мы внесли некоторую путаницу в повествование, создав впечатление, будто данные для нас — это исключительно цифры: линейные распределения, проценты и корреляции. Мы практически ничего не сказали о результатах применения качественных методов, ненамеренно отождествив с цифрами всю эмпирику.

Признаемся, это умолчание не было в полной мере случайным. Во-первых, самые радикальные сторонники эмпирической сообразности как единственного критерия оценки качества социологической интерпретации, провозглашая приоритет данных, имеют в виду именно цифры. Сторонники ограничения «фантазий интерпретаторов», апеллирующие к транскриптам глубинных интервью, встречаются гораздо реже. Противопоставляя эмпиризму идею концептуальной сообразности интерпретации и пытаясь реабилитировать воображение интерпретатора как средство такой интерпретации, мы вынужденно приняли предлагаемые нашими оппонентами правила игры, сфокусировавшись на работе с количественной эмпирикой.

Во-вторых, мы попытались избежать ставшего традиционным отождествления количественного с объективным, а качественного с субъективным¹. Оба этих различия для нас не более чем методологические конструкты, относительные случайности; границы между ними подвижны, и нет никакого незыблемого противоречия, разводящего количественников-объективистов и качественников-субъективистов по разные стороны баррикад. Нам представляется серьезной ошибкой разжигание внутридисциплинарной розни количественников и качественников. Сегодня трудно представить себе по-настоящему масштабное (особенно мониторинговое) исследование, в котором методы опроса не дополнялись бы методами фокус-групп и глубинных интервью. Различие между количественными и качественными методами — это различие инструментально-методическое, оно не проходит непреодолимым препятствием через сферу теории, не создает напряжения при проектировании исследовательского инструментария и по-настоящему значимо лишь на уровне решения конкретных эмпирических задач. Более того, на этапе интерпретации собранных данных транскрипты и массивы тоже не предполагают двух взаимоисключающих перспектив анализа. То, что *интерпретация качественных данных должна быть логически организована так же, как интерпретация данных количественных*, кажется нам необходимой исследовательской аксиомой.

¹ Такое отождествление декларируется многими специалистами в области качественной методологии, возводящим генеалогию «качественной парадигмы» к странному образу понимаемому «субъективизму в социальной теории». Обзор «истории качественной парадигмы» см. в [4].

Отсутствие выраженной границы между качественным и количественным бросается в глаза именно на этапе интерпретации. Как быть с открытыми вопросами в «количественных» репрезентативных опросах? С одной стороны, ответы респондентов на открытые вопросы кодируются, заносятся в базу данных, обсчитываются и анализируются подобно закрытым. С другой — они записываются на языке самого респондента, могут быть весьма длинными и использоваться как фрагменты транскриптов при написании отчета. Как быть с методом формализованного наблюдения? Наблюдение традиционно относится к качественным методам, но если оно проведено с высокой степенью формализации, его результаты также доступны количественному анализу. Мы не говорим уже об экспертном блоке, который, как правило, содержит и количественную (статистическую) и качественную (оценочную) информацию.

Повторимся: нет никакой разделительной полосы между областями количественного и качественного, скорее речь должна идти о континууме методов — от предельно формализованных опросов до методов с минимальной формализацией собираемых данных вроде глубинных интервью. (Тогда, например, различные типы наблюдения будут занимать на этой шкале весьма удаленные друг от друга позиции.) Различие между качественным и количественным, таким образом, — это различие не качественное, а количественное: различие в степени формализации данных.

Соответственно комплексно спроектированный инструментальный допускает перенос «точки опоры» с количественных методов на качественные, когда изменяется сам объект исследования. В таких случаях возможности формализованного описания объекта снижаются и глубинные интервью или фокус-группы, спроектированные как вспомогательные средства для последующего построения объяснительных моделей, становятся «несущей конструкцией» всего исследования.

Сформулируем этот тезис еще раз: граница между качественными и количественными данными не универсальна, она конструируется в самом исследовании еще на этапе проектирования концепции и исследовательского инструментария. Но то же самое мы можем сказать и о границе объективного/субъективного в интерпретации данных. Объективными полагаются данные статистики и те характеристики респондентов, которые они сами же указывают в «паспортичках». Показатель «наличие дома компьютера» берется из вопроса «Есть ли у вас дома компьютер?», и ответ на него считается элементом объективной реальности — хотя вероятность того, что респондент ответил, сообразуясь с некоторым субъективным образом самого себя, представляемым интервьюеру (проще говоря, соврал), весьма высока. Так же и субъективными полагаются отнюдь не всегда субъективные параметры, например оценки удовлетворенности школой. Мы говорим о том, что соотношение удовлетворенных/неудовлетворенных потребителей образовательных услуг примерно одинаково во всех кластерах, предполагая,

что удовлетворенность — субъективное чувство, которое зависит больше от человека, чем от объекта оценки. Но когда речь идет о репрезентативных выборках и оценки совпадают по ключевым объективным параметрам, приходится констатировать такую степень интерсубъективности, которая граничит с объективностью.

Эту атаку на привычное разграничение субъективное/объективное мы предпринимаем с единственной целью — расшатать расхожую идеологию: социология занимается мнениями, мнения субъективны; но у носителей мнения есть объективные характеристики, поэтому социология должна соотносить субъективное с объективным, объясняя одно через другое. И мнения не столь субъективны, как хотелось бы верить сторонникам разнообразных теорий отражения, и характеристики (вроде статуса, профессии, дохода) не столь объективны, как привыкли думать любители статистических закономерностей. Однако интерпретации эмпирических данных в социологических исследованиях действительно часто выстроены на соотношении субъективного и объективного (например, в цитированном мониторинге — на соотношении «объективных» барьеров и «субъективных» установок). Проблема в том, как это соотношение должно быть проведено.

Первый — «классический» — способ решения данной задачи более всего распространен в опросах общественного мнения. Установки, представления и суждения респондентов здесь полагаются производными от объективных обстоятельств — прежде всего от условий их, респондентов, социального бытия. И если 85% респондентов негативно оценивают качество образования, получаемого их детьми, то происходит это оттого, что они живут в сельской местности и их доход — менее 3000 руб. на человека в семье. Перед мысленным взором аналитика сразу же предстает деревенская школа, в которой может учиться ребенок таких родителей, и их неудовлетворенность качеством образования становится ему «понятна». Если же выяснится, что респонденты эти — люди состоятельные, образованные и весьма высоко стоящие на социальной лестнице, аналитик тут же объяснит их неудовлетворенность высокими требованиями, предъявляемыми к качеству обучения детей. Кем бы ни были родители, «понятность» их мнений гарантируется знанием их статуса, экономического положения, пункта проживания и т.п. Нет такого мнения, которое специалист по опросам не сумел бы объяснить объективными условиями жизни носителя этого мнения.

Подобное решение задачи соотношения субъективных и объективных параметров в интерпретации данных кажется нам в чем-то приемлемым (мы покривили бы душой, сказав, что никогда не интерпретировали данные таким образом), но плоским. В его основе лежит слепое доверие к объективному. Суждения же респондентов как бы делегитимируются, лишаются права на автономию.

Второе решение той же задачи уводит в другую крайность — в трансляцию суждений респондентов и придание им статуса ко-

нечной реальности. Если респондент говорит: *«Я пришел учиться на МВА не столько для образования — мне его в общем хватает, — а для общения с себе подобными, что ли. Потом нашел там много интересных людей, стали как-то контакты завязываться. Это самое ценное, что я оттуда вынес...»* — и таких респондентов оказывается более одного, исследователь, не колеблясь, делает вывод: «В современной России школы бизнес-администрирования не столько выполняют функцию образовательных учреждений, сколько играют роль клубов по интересам и социальных узлов, в которых завязываются полезные профессиональные отношения».

Подобно тому, как в основе первого решения лежит слепая вера исследователя в объективное, данный ход покоится на искреннем доверии к словам респондента. Мнение опрошенного провозглашается конечной реальностью, «официальной правдой», которую социолог пытается донести до аудитории. Он становится выразителем совокупного мнения всех своих респондентов, и именно мнения (установки, отношения, мотивы, представления, ожидания, планы) транслируются в его отчетах. Социологическое исследование, таким образом, превращается в индустрию делегированных суждений, где социолог говорит от лица респондентов, делегировавших непосредственно ему некоторое знание. (Впрочем, «комплекс Прометея» — профессиональное заболевание не одних только социологов, скорее это атрибут журналистского стиля рассуждения, контрабандой пронесенный в социологическую науку.)

Было бы упрощением сказать, что первая крайность оказывается ближе тем, кто работает с количественными методами (прежде всего с опросами), а вторая — представителям так называемой качественной парадигмы. В действительности конструкция «объективное/субъективное» не совпадает с конструкцией «количественное/качественное». Например, в модели «интерпретация как трансляция суждений» легко прийти к выводу о высоком качестве такого образования, которое считают качественным сами потребители. Данный вывод (по сути — транслирование вывода респондентов) можно сделать и по итогам интерпретации данных количественного исследования. И наоборот, приобрести «объективное знание» реальных случаев конкретной практики можно из транскриптов интервью с ответственными людьми.

Впрочем, о проблеме совместимости интерпретаций количественных и качественных данных мы уже говорили. Так что напомним исходную постановку вопроса: если социологическая интерпретация неизбежно связана с соотношением объективного и субъективного, в какой логической модели это соотношение должно быть организовано? Две упомянутые модели кажутся нам слабыми в силу своей ограниченности: в них конечной реальностью провозглашаются либо конкретные объективные условия, либо субъективные человеческие мнения. Однако они по крайней мере дают готовый рецепт: что через что должно быть проинтерпретировано. У нас такого готового рецепта нет. Каждая «игра», каждая

концептуальная рамка задает свои правила соотнесения. (Например, в мониторинге доступности качественного образования мотивация респондентов и их информированность рассматривались как ресурсы преодоления объективно существующих ограничений или как катализаторы неравенства жизненных шансов.) Повторимся: модель соотнесения объективных и субъективных показателей предписывается теоретической логикой исследования.

Сформулированное ранее требование, согласно которому интерпретация качественных данных должна быть организована в той же логике, что и интерпретация данных количественных, — это *требование сохранения единства логики интерпретации*. Каждый раз, говоря о том, что качественные данные требуют принципиально иного способа рассмотрения, нежели «сухие цифры», настаивая на особом статусе «глубинной» информации, почерпнутой с самого дна социальной реальности, мы подрываем предпосылки для создания такой единой логической организации.

Этот тезис не бесспорен. Действительно, довольно трудно не заметить различий между массивом необработанных данных и транскриптом только что расшифрованной стенограммы глубинного интервью. Пропасть между этими типами «сырого знания» кажется непреодолимой. Однако если сформулировать алгоритм работы с транскриптом глубинного интервью или с видеозаписью фокус-группы и сравнить его с алгоритмом работы с количественными данными, мы обнаружим гораздо больше сходств, чем различий. Анализируя транскрипт, исследователь не пересказывает его своими, более академическими словами, он вычленяет релевантные элементы текста (тематические единицы), проверяет их общезначимость (Как часто данный вопрос затрагивают респонденты? Насколько «больной» является эта тема, поднятая на трех фокус-группах?), выстраивает композицию (Какое развитие получает данная тема в том или ином транскрипте?), соотносит темы между собой, наконец, предлагает свои сценарии упорядочивания композиционных и тематических единиц.

В значительной степени метафора шахматной игры не теряет здесь своей объяснительной силы: идет ли работа с транскриптами интервью или с массивом количественных данных, исследователь совершает серию аналитических ходов, не растворяясь в своем материале, но вступая с ним в противоборство. Различия опять же методические: инструменты с низкой формализацией более пригодны для работы с «тонкими материями» (например, для реконструкции специфического видения предмета, которым руководствуются представители изучаемой социальной группы), инструменты с высокой степенью формализации более приспособлены для картографирования предмета, создания его обобщенного образа. Однако, как бы ни различались типы «сырого знания» (стенограммы и массивы), рецепты их интерпретации весьма похожи.

Что служит фундаментом такого единства логики интерпретации? Прежде всего уже упоминавшаяся нами концептуальная со-

образность — соответствие интерпретации базовому языку исследования. Рискнем предположить, что и качественный, и количественный сепаратизм — навязчивое противопоставление друг другу двух типов методов — это проявления крайней эмпиристской позиции, признающей лишь эмпирическую сообразность социологической интерпретации. Мыслить два типа инструментов сбора данных как взаимоисключающие можно лишь при условии, что сами данные полагаются источником такой интерпретации. Тогда различия в инструментах гипертрофируются и приобретают мировоззренческий характер на основании различий в их взаимодействии с объектом. Мы же предлагаем сфокусироваться на отношении концепта и операнта — тогда мнимая дилемма выбора между якобы принципиально различными инструментами сбора данных будет снята (вернее, останется как проблема чисто инструментальная). В теоретически продуманном исследовании количественные и качественные методы не выталкивают друг друга из инструментария и не соперничают за право приоритета, они сосуществуют как различные аналитические конструкции, каждая из которых при определенных обстоятельствах может стать опорной.

В уже упомянутом проекте по исследованию доступности качественного образования мы интерпретировали данные о доступности качественного образования в учреждениях НПО — анализ транскриптов интервью и фокус-групп позволил понять, как именно неравенство жизненных шансов учащихся профучилищ тематизировано в дискурсе их преподавателей, родителей, будущих работодателей. Выделенные тематические блоки — такие же элементарные смысловые единицы интерпретации, как линейные или кластерные распределения. Однако в какой мере подобные тематические элементы могут стать предметом обобщения? Насколько они доступны генерализации?

Очевидно, генерализация в случае со слабо формализованными данными не может быть столь же масштабной, как и в случае с результатами репрезентативного опроса. Всякое обобщение на материале, почерпнутом из транскриптов, должно быть сделано крайне осторожно. Однако это не означает, что единственный способ работы при интерпретации качественных данных — детализация и уточнение выявленных в ходе масштабных опросов закономерностей. Тематические блоки, смысловые единицы повествований могут стать материалом для индуктивного рассмотрения — движения от частного к общему, от случайных эпизодов, описанных информантами, к некоей целостной картине. Но здесь уместно повторить то, что ранее было сказано применительно к количественным данным: интерпретация есть преобразование эмпирических данных по правилам избранного теоретического языка. И именно правилами теоретического языка определяются возможности интерпретации аналитически вычлененных тематических элементов.

Можно ли говорить о том, что и сама интерпретация социологических данных складывается из некоторых элементов (подобно тому, как элементом инструментария является оперант, а элементом концепции — концепт)? Или все же правильнее не выделять в интерпретации самостоятельных структурных блоков, поскольку ее структура не автономна — это сумма интерпретаций эмпирических единиц (тем, нарративов, распределений, зависимостей и т.п.)? Такая формулировка проблемы отчасти возвращает нас к вопросу о соотношении эмпирических данных и их интерпретации, отчасти ставит фундаментальную проблему о роли повествования в научном тексте.

Начнем с простого. Поскольку интерпретация — не «отражение» эмпирических данных (а их преобразование по правилам избранного теоретического языка), организована она несколько сложнее, нежели линейная последовательность беспристрастно излагаемых фактов. Сами факты — «20% опрошенных работодателей недовольны подготовкой выпускников вузов» — ничего не говорят о том, в каком порядке они должны быть изложены, как соотносены между собой, какие из этого соотношения должны быть сделаны выводы и т.п. Таким образом, при построении интерпретации приходится решать ряд задач, не имеющих прямого отношения к содержанию собранных данных, в том числе задач композиционного характера. И здесь нам кажется уместным прибегнуть к предложенному еще школой русских формалистов различению *фабулы* и *сюжета*.

Фабула — это то, «как все было на самом деле», это «реальное» положение вещей, состояний и практик, требующее интерпретации: само по себе оно ничего не говорит. В художественном тексте фабула представляет собой «настоящую» хронологическую последовательность событий, которые затем преломляются, связываются, конфигурируются в произведении. Аналогичным образом фабулу текста социологической интерпретации образуют эмпирические данные — достоверные свидетельства некоторых процессов, ситуаций, тенденций, собранные в ходе исследования.

Напротив, сюжет — это «история», как она повествуется, «...со всеми временными смещениями (т.е. прыжками вперед или назад), описаниями, обсуждениями, замечаниями в скобках, а также со всеми языковыми приемами»¹. Интерпретация социологических данных всегда в той или иной степени сюжетосообразна: в ней можно найти композиционные решения, сконструированные в повествовании связи между зафиксированными явлениями, обоснованные ходом самого «рассказа» выводы etc. С художественным текстом социологическую интерпретацию роднит наличие в ней *интриги*: повествование разворачивается от описаний к объяснениям, заставляя даже весьма дистанцированного читателя все глубже погружаться в предмет (интерпретация, не содержащая интри-

¹ См. [11. С. 55–60], а также главу «Сюжет» в [10].

ги, вряд ли вообще будет дочитана до конца). В этом смысле текст социологической интерпретации насквозь повествователен; по справедливому замечанию Умберто Эко, «повествование имеется даже в химическом тексте Ч. Пирса, где речь идет о производстве лития» [11. С. 59]¹. Логика интерпретации несводима к логике эмпирики, как логика сюжета несводима к логике фабулы.

Именно сюжет, на наш взгляд, является единицей интерпретации. Правда, слово «сюжет» употребляется здесь скорее в обиходном, чем в литературоведческом смысле: «сюжет с позицией работодателей должен быть развит дальше», «сюжет переноса кластерной модели в сферу НПО требует отсылки к...» и т.п. Интерпретация соткана из сюжетов, как инструментарий — из оперантов.

Не подрывает ли наш тезис о «сюжетосообразности» социологической интерпретации само основание научности — идею рационального доказательства? «В социологии, — писал Г.С. Батыгин, — чаще всего приходится заменять логическое доказательство *нарративом* (*narratio*, лат. — повествование) — рассказом о том, какова связь между переменными: производительными силами и производственными отношениями, мирской аскезой и рациональным предпринимательством, брахицефалией и психологией “одинокой толпы”. Логические и статистические процедуры уступают здесь место историческим иллюстрациям, литературным аллегориям и описаниям “случаев из жизни”. Доказательность заменяется риторической убедительностью» [1. С. 63]. По мнению Г.С. Батыгина, повествовательная природа интерпретации подменяет доказательство убеждением, истину — правдоподобием. (Хотя даже при таком критическом отношении к повествовательности он признает, что к нарративу как форме представления знания социологи прибегают чаще всего.)

Критический посыл в адрес трактовки социологической интерпретации как особого способа повествования понятен. Предполагается, что данный подход сводит «научное объяснение к семантическому и отвергает нормативные критерии сравнения и оценки различных объяснений» [3. С. 53]. Однако нам ближе прямо противоположный тезис: всякие критерии сопоставления различных социологических объяснений возможны именно потому, что они нарративно выражены и зафиксированы в инвариантных объяснительных схемах — теоретико-повествовательных конструкциях.

Данная позиция отсылает к теории интерпретации, предложенной Полем Рикером [8, 9]². По убеждению Рикера, сам человеческий опыт имеет повествовательную природу, и повествование настолько востребовано научной теорией, насколько теория связана с такого рода фундаментальным опытом. Интерпретация, по Рикеру, включает несколько стадий: *префигуративную* (здесь значи-

¹ См. также исключительно интересные рассуждения Г.С. Батыгина о нарративе как форме представления знания и обоснования вывода в социологическом исследовании [1].

² См. также [2]. Мы искренне признательны А.В. Борисенковой за помощь в аргументации предложенного тезиса.

мые эмпирические данные отделяются от незначимых, происходит маркирование фактов как релевантных или нерелевантных), *конфигуративную* (стадия построения сюжета, здесь собирается конфигурация релевантных фактов) и *рефигуративную* (сюжеты развиваются, трансформируются и отбрасываются при «обкатке» предложенной интерпретации в обсуждении с коллегами, экспертами и т.п.) [7. С. 49–53]. Именно поэтому столь значим выбор композиции при написании раздела «Интерпретация результатов» в заключительном отчете. Установление порядка изложения, структурирование материала интерпретации, конфигурация значимых эмпирических данных — это отнюдь не техническая задача.

Интерпретация данных может включать множество пересекающихся, дополняющих друг друга и даже параллельных сюжетных линий. Однако «твердым ядром» таких текстов является теоретико-повествовательная конструкция, называемая объяснительной моделью. Это согласованный с исходной концептуальной рамкой и полученными эмпирическими данными нарратив, который делает возможным следующий (и последний) ход исследовательской процедуры — разработку рекомендаций.

Литература

1. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995.
2. Борисенкова А.В. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1.
3. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
4. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
5. Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю., Рощина Я.М. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Логос, 2006.
6. Крыштановский А.О. «Кластеры» на «факторах» — об одном распространенном заблуждении // Крыштановский А.О. Анализ социологических данных. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006.
7. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1–2: пер. с фр. М. СПб.: Университетская книга, 1998.
8. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМІ» — Изд. центр Academia, 1995.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике: пер. с фр. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2002.
10. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000.
11. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.; СПб.: Изд-во РГГУ, 2005.
12. L.J. Henderson on the Social System / ed. by V. Barber. Chicago, University of Chicago Press, 1970.